

Автор - Юлия Шokol, Вена (Австрия).

Голод-о-море

вот я качаюсь с пятки на носок,
вот колосок себя в руках несёт -
с таким лицом, упругим, словно шаг,
с такой беззвучной музыкой в ушах,
что в переводе горький земляной
немееет и немотствует -
не мой
уже давно - ни хлеба и ни зре-
хлебнувши горя, не успев созреть,
несёт себя - и голод говорит
внутри него, сжигает словари
не ожегова - жажды и огня -
из слов,
рождённых
впереди меня
и сложенных в пустой земной живот,
откуда прорастает и живёт

не колосок, себя несущий, как
огромный полыхающий маяк,
но человек, страданию сродни,
из корневого света
и крови -
всего, что не случилось не с тобой,
не в этой жизни,
ни в какой другой.

Крестоносец

и кто-то шёл, разбитый на шаги,
и дождь стоял на мостике - прогиб
и але-оп в текучем позвоночнике.
а человек прошёл,
потом закончился.

и вместе с ним закончилась вода,
такая мокроносая, ни дать
ни взять - простуда и волнение.
ковчег качается
вовне,
во мне ли он?

и в ливневом, огромном и чужом,
себя обжив, изжить, скользнуть ужом,
какая жатва или, может, жажда тут:
напиться и войти сюда отважиться,

чтоб дважды в реку,
свет одно дыхание,
и дождь идёт, измученный, израненный -
уже не дождь,
и пить не просит рот.
и крест не знает,
кто его несёт.

Гомериада

проиграли в холодно-горячо,
и мороз нас намертво перечёл,
словно список кора...
но где же твоя кора,
древесина, раздетая до нутра?

шпалы-рельсы... сколько себе не вейся,

это тело воды, о братья мои ахейцы-
короеды,
ковчег нам и до утра не съесть,
потому что гомеру явилась благая весть.

так из штаммов вывели мандельштама:
золотистая спинка
и воздуха на прощанье
вороватый профиль мелькнёт - и все,
у судьбы гомерическое лицо.

так елене елеем мазать ладони клёна,
так и мне выкликивать поимённо
к изголовью тех, кому - ни имён уже, ни голов,
а товарищ гомер отвечает «всегда готов»,

потому что троя, как одеколон, троится,
потому что зренье - слепая ночная птица -
накрывает мир, что покорно лежит распят
от груди до самых ахиллесовых пят.

